

ГЛАВА 1

Солидный кабинет современной клиники был погружен в полумрак. Единственный предмет освещения, маломощная настольная лампа, едва справлялась с задачей освещения письменного стола, но владельца кабинета это обстоятельство нисколько не смущало. Низко склонившись над стопкой бумаг, он быстро заполнял формуляры, практически не задумываясь о том, что делает. Мысли его были далеко от рутинных дел. Эксперимент, задуманный год назад, давал положительные результаты. Еще немного, и можно будет выносить его на суд широкой общественности, а это уже прорыв. Понятное дело, без накладок не обошлось, но они не были критичными. Да, еще немного, и он, бывший детдомовец и беспризорник Женька-Сопля, станет врачом с мировым именем. Приятно? Еще бы! Но не самоцель. Главное, это реальный шанс, который непременно

появится у безнадежно потерянных для социума людей.

Эйфорические мечтания настолько далеко унесли пожилого врача из реальности, что он не сразу заметил, что в кабинете уже не один. На пороге стояла молодая симпатичная медсестра, осторожно переминаясь с ноги на ногу и дожидаясь момента, когда босс обратит на нее внимание. Когда их глаза встретились, девушка спросила:

— Евгений Миронович, я вам больше не нужна?

— А? Что? Ах, это ты, Леночка. — Взгляд Евгения Мироновича постепенно выплывал из далекого далека. — Нет, на сегодняшний день мы закончили. Иди, детка, отдыхай. Тебе не повредит немного крепкого, здорового сна, а еще лучше предварить этот процесс прогулкой на свежем воздухе. Где-нибудь в парке или даже в лесочке. В последнее время ты что-то неважно выглядишь. И не смущайся, детка, не смущайся. Кто, как не старший коллега, имеет право затронуть столь деликатную тему? Ты явно недосыпаешь. Дня три, а то и все пять. Я прав?

— Вам показалось, Евгений Миронович. Со сном у меня проблем нет, — скороговоркой произнесла Леночка. Выражение ее лица

ясно говорило о том, что вмешательство врача в ее личную жизнь ей неприятно.

— Тогда с чем? — Евгений Миронович не собирався оставлять медсестру в покое.

— Что «с чем»? — непонимающе переспросила она.

— С чем проблемы? Ты только что сама сказала, что со сном проблем нет, следовательно, они затрагивают другую сферу твоей жизни. Вот я и спрашиваю: каков фундамент твоего нестабильного душевного состояния? — терпеливо пояснил Евгений Миронович.

— Уверяю вас, у меня все в порядке. — Лелючка с мольбой смотрела на врача, как бы говоря: «Не нужно меня пытаться».

— Что ж, на этот раз я удовлетворю твое желание и не стану ковыряться в твоём мозгу, но если через пару дней не увижу перед собой прежнюю, цветущую и жизнерадостную, Елену, разговор возобновится. — Евгений Миронович знал, когда нужно отступить. — Не забывай, деточка, твой босс — светило отечественной психиатрии. Ему достаточно одного мимолетного взгляда, чтобы понять, что тебя что-то гложет. Так вот, я даю тебе два дня на то, чтобы разобраться со своими страхами самостоятельно. По истечении этого срока ■

беру дело в свои руки. А сейчас иди, Леночка. Счастливого отдыха!

— До завтра, Евгений Миронович, — попрощалась медсестра и выскользнула за дверь.

Евгений Миронович проводил ее долгим взглядом. «Бедная девочка. Такая молоденькая, а, поди ж ты, уже какие-то волнения. Сколько ей? Двадцать три? Двадцать пять? Никогда не мог ни определить, ни запомнить возраст. Что ее тревожит? Не напрасно я отпустил ее без объяснений? Ведь мог же настоять, мог. Ладно, два дня подожду, а там видно будет».

Леночка нравилась Евгению Мироновичу. При ее красоте и стройности фигуры она могла найти себе место поинтереснее. Эффектная девушка. Про таких говорят: все при ней. А если учесть еще и умственные способности, остается только удивляться, как такое чудо оказалось на должности процедурной медицинской сестры в столичном Центре. И неважно, что Экспериментальный центр являлся более чем престижным заведением даже по меркам Москвы. Все же квалификация Леночки была явно выше той, что требовалась для выполнения профессиональных обязанностей обычной медсестры.

Она появилась здесь всего несколько месяцев назад. Любвеобильный Альберт Константинович, занимавший должность главного врача Экспериментального центра, пытался перетянуть Леночку в личную приемную, предлагая ей место чуть ли не своей правой руки, но умная девочка предпочла работу в отделении реабилитации после лечения наркологической зависимости. Видимо, Леночка еще в детстве усвоила закон армейских будней, гласивший: «Подальше от начальства, поближе к кухне». Роль «доброго повара» в этой пьесе играл Евгений Миرونвич, и он искренне надеялся, что девочка не прогадала с выбором.

За первый месяц пребывания в Центре Леночка успела зарекомендовать себя ответственным, а главное, бескомпромиссным работником. Она никогда не шла на поводу у избалованных пациентов Центра, привыкших, что любая их просьба воспринимается окружающими как нечто непреложное и обязательное к исполнению. Ей легко удавалось пресекать поползновения представителей мужского пола, относящихся к так называемой золотой молодежи, и при этом оставаться лучшим другом каждого, кто по той или иной причине оказался запертым в стенах Центра.

Евгений Миронович по достоинству оценил способности девушки и взял ее под свое крыло. С тех пор прошло больше шести месяцев, и за этот период он ни разу не пожалел о своем решении. Леночка придерживалась того же мнения. По крайней мере, раньше так было всегда. В этом Евгений Миронович тоже не сомневался. Он называл себя «светилом отечественной психиатрии» не из непомерных амбиций, а просто констатировал факт. И он был уверен, что его квалификации более чем достаточно для того, чтобы диагностировать поведение медсестры в последние дни как депрессивно-маниакальный психоз. Единственное, чего не мог определить Евгений Миронович, — это причину, вызвавшую резкие перемены в ее эмоциональном состоянии.

В отношении причин он мог делать лишь предположения, но все они могли оказаться далеки от истины. Самой актуальной выглядела версия о возникновении чересчур навязчивого поклонника. Леночка была не просто симпатичной девушкой. На взгляд Евгения Мироновича, она была божественно красива. И это мнение разделяли практически все сотрудники Центра, относящие себя к представителям мужского пола традиционной ори-

ентации. Стоило ей появиться на горизонте, как шевеление определенных гормонов заставляло ощущать дикое томление в чреслах всю мужскую половину сотрудников. Знала ли она о том эффекте, что производила на мужчин? Евгений Миронович склонен был думать, что лишь отчасти. К своей внешности она относилась довольно спокойно, чего нельзя было сказать о мужчинах, наводнивших Центр.

Второй причиной могли оказаться неудовлетворенные амбиции. Профессиональные, естественно. Но на этот вариант Евгений Миронович не стал бы ставить чересчур много. Он считал, что как раз в профессиональном плане Леночка знает свою истинную цену, только предпочитает оставаться в тени. Быть может, это юношеский максимализм заставлял ее отказываться от карьерного роста. Изменить человечество — кто в неполные двадцать пять лет не мечтает о таком?

Третью причину Евгений Миронович определял как «синдром прошлого». О прошлом Леночки ему мало что было известно. Она не относилась к разряду людей, любящих обсуждать данную тему. В том, что жизнь Леночки, до того как она оказалась в Центре, была лишена беззаботности и легкости, Евге-

ния Мироновича убеждать не было необходимости, исходя из того, что она тщательно оберегала свое прошлое от окружающих.

— И снова эти загадки, — произнес он вслух, отвечая на свои мысли. — Чем же тебе помочь, девочка? Боюсь, пока ничем.

Минуту спустя он отбросил беспокойные мысли о медсестре и с головой погрузился в заполнение нескончаемых формуляров. Как ни отвратителен был для него данный процесс, он понимал, что без него о продвижении эксперимента не может быть и речи.

А Леночка, покинув кабинет босса, направилась напрямик домой. Правда, путь, который она намеревалась проделать, кардинально отличался от ее привычного маршрута. С некоторых пор она была вынуждена отказаться от короткого пути, а если точнее, то в последние четыре дня. Вместо того чтобы идти на автобусную остановку и дожидаться рейсового автобуса, следовавшего практически до ее временного жилья, снимаемого в складчину с двумя певичками из столичного академического театра, она проделывала широкий круг по Кольцевой метро. Только после этого, таясь и озираясь, усаживалась в автобус и ехала домой. Но сегодня и эти ухищрения не принесли желаемого результата. Ее пре-

следователь, о существовании которого еще неделю назад она и не подозревала, на этот раз просчитал ее маршрут. В настоящий момент он расположился в том же вагоне электрички, что и она. Всего в нескольких шагах от нее.

Со стороны никто бы не подумал, что здоровый детина в утепленной куртке и нахлобученной на брови вязаной черной шапочке наблюдает за красивой девушкой. Но Лена знала об этом наверняка. Он следовал за ней по пятам вот уже несколько дней. Его присутствие выбивало почву из-под ног, заставляло кровь пульсировать быстрее. Ее станция приближалась, но девушка никак не могла решиться выйти. Что делать? Как избавиться от преследователя? И какова вообще причина, по которой он следит за ней? Она не иностранный резидент, не тайный агент московской полиции. Вполне заурядная лимитчица, поселившаяся в столице исключительно по причине крайней необходимости. Так чем же она привлекает его внимание?

Механический голос объявил название станции, на которой ей требовалось сделать пересадку, но она не двинулась с места. Просто не нашла в себе силы. «Что делать? Куда податься?» — пульсировало в мозгу. Двери

вагона плавно поехали друг на друга. И тут, в самый последний момент, девушка рванула к выходу. Ноги коснулись платформы как раз в тот момент, когда двери окончательно сдвинулись. Она обернулась и удовлетворенно хмыкнула, увидев неподдельное удивление на лице преследователя. Выскочить следом за ней у него не было ни единого шанса. «Вот и славно, — пронеслось в голове. — Покатайся, дружок, а я пока все обдумаю».

Спустя пару минут, преодолев подъем эскалатора, Леночка уже набирала номер телефона одной из сотрудниц Центра. Звонила она Камилле Войновой, девушке, работавшей операционной медицинской сестрой при хирургическом отделении Центра. Кама, как сама она просила себя называть, была невероятно общительным человеком. Хотя проработала в Центре чуть больше трех месяцев, но Лена не без оснований предполагала, что в ее квартире побывала добрая половина персонала клиники. И тому была причина. Кама просто не терпела одиночества. Она зазывала к себе в гости всех, с кем хоть раз пересеклась в вестибюле, столовой или на парковке Центра. Фраза, которой она предваряла свое предложение, была настолько обезоруживающей, что мало кто мог отказать девушке. «Почему

бы вам не посетить мое скромное жилище? В столице без друзей так одиноко», — скромно потупив взор, заявляла она, и потенциальная жертва соглашалась мгновенно. Да и кто бы смог отказать этому ангельскому созданию в столь скромной просьбе?

До этого дня Леночка предпочитала отговариваться ненормированным рабочим днем, который предполагала должность помощника директора главного экспериментального проекта Центра. На ее заявление Камилла лишь смиренно улыбалась и произносила одно из многочисленных изречений, которыми буквально кишел ее мозг: «Был бы достаточный стимул, а время найдется». И добавляла: «Я подожду». Похоже, ожиданиям Камы суждено было сбыться гораздо раньше, чем предполагала Елена. Стимул к посещению апартаментов скромной хирургической сестры, предоставленных в ее распоряжение высокопоставленным отцом, сейчас катил по Садовому кольцу. Ехать домой Лена попросту боялась. А раз так, то почему бы не воспользоваться гостеприимством коллеги? В любом случае это гораздо безопаснее, чем возвращаться в свое скромное жилище.

Оказавшись на улице, она выудила из сумочки телефон и, отыскав номер Камиллы, ■